

А. Н. МОШИН

ЛЕГЕНДЫ ВЕЛИКИХ ЛУК

От редакции

Протоиерей д-р Владимир Мошин в связи с юбилеем — 1000-летием Крещения Руси предлагает интересные записки, хранящиеся в его семье: «Легенды Великих Лук», написанные его дедом А. Н. Мошиным в 1892 г. В «Легендах» есть много интересных преданий, связанных как с Крещением Руси, так и со сказаниями о Великом Новгороде и Великих Луках.

Дед автора — Александр Тимофеевич Мошин, по совету Александра Сергеевича Пушкина (с которым познакомился на ярмарке в Святых Горах, а затем побывал у великого поэта в Михайловском), стал собирать предания о своей родине — Великих Луках по рассказам стариков — и светских людей, и священников, и монахов — и делал в свою тетрадь гусиным пером выписки из разных древних документов, какими только мог воспользоваться. Он был достаточно грамотен: окончил с похвальным листом (в 1827 г.) единственное тогда учебное заведение Великих Лук — городское училище.

Было время, когда в монастырях города монахи вели свои летописи, а с летописей тех делались копии, списки либо краткие выписки с пометкой, в каком году что произошло. Такие рукописи хранились не только у монахов, но и у светских просвещенных людей вместе со свитками и рукописями на иностранных языках; в глубокой древности такие свитки привозились выходцами разных стран; недаром наш город стоял на великом водном пути от варяг к Царь-граду и далее — хоть в Рим, хоть в Египет... И просвещенные люди издревле водились в Великих Луках. Разоряли всякие враги и лихие люди наш город дотла, исчезали с лица земли и монастыри с монахами вместе с летописями и всякими иными книгами и рукописями, но не все книги, списки, выписки и свитки уничтожались. Некоторые люди уносили их, как реликвии, в изгнание, на чужбину, куда уходили, спасая свою жизнь, и хранили эти реликвии, как дорогое воспоминание о своей Родине.

Правнуки некоторых из них возвращались на старые дедовские пепелища и приносили иногда рукописи, в обрывках только, а иные и уцелевшие. А были и такие, которые, возвращаясь, находили древние свитки и книги вместе с кладами: золотом и драгоценными камнями, оружием и доспехами — в прадедовских тайниках, подземных подвалах...

Вот как объяснял дед автора происхождение некоторых источников, откуда брал он свои пометки, например, о датах некоторых событий...

Изначительно величие города нашего, измельчали и люди на новых постройках, возникших на старых пепелищах. Надолго не стало людей просвещенных. Леса повсюду истреблялись, и река Ловать мельчала и перестала быть звеном в великом водном пути; уже не посещали Великих Лук чужеземцы, не привозили новых знаний, новых книг и новых изделий. Великие Луки стали захолустным городом, надолго замкнувшимся в круг своих узких местных интересов, пока не оказались связанными колеями железных путей с остальным Божьим миром. И не столько рукописей, древних реликвий — свитков и книг — погибло от пожаров и разных утрат, сколько от невежества населения: завертывались в лавках селедки и гвозди или делались «фунтики» для соли из документов, которые береглись когда-то на груди беглецов-великолучан как самое драгоценное их достояние.

Рассказы, слышанные автором еще в детстве от деда, а потом возобновленные в памяти отчасти по рассказам отца и матери, сама тетрадь деда с выписками из древних документов и записями устных преданий, затем рассказы о старине Великих Лук других людей и, наконец, те, хоть и весьма немногие древние документы, с какими самому автору посчастливилось ознакомиться, — вот материалы, на которых автор построил этот скромный свой труд.

I

Первыми основателями Великих Лук были те торговые люди, которые искали новых рынков для своих товаров и пускались в далекие путешествия по морям и рекам. Многие из них, не уверенные в том, что из таких путешествий суждено будет вернуться, брали с собою и своих жен, и детей. В пути иногда семья теряла своего главу и, бесполезная для компаньонов-торговцев, выбрасывалась на берег, где и основывала поселок.

Иногда и сам глава семьи предпочитал предстоящей впереди неизвестности дать отдых себе и семье и основывал поселок на берегу реки, в том месте, какое ему приглянулось.

Огнем очищали от леса для поселка и пашни достаточное пространство, строились, применяя уменье, привезенное из дальних стран, ограждались для безопасности от зверей и вражеских нападений, и начиналась — патриархальная сначала — жизнь для размножавшейся семьи.

Занимались хлебопашеством, рыбной ловлей, охотой, пчеловодством. Завязывались торговые сношения с проходившими по реке караванами, оказывалось гостеприимство, а иногда и приют навсегда новым «населенкам» — переселенцам и с юга, и с севера.

Часто шли караваны по Великому греческому пути. С юга шли речные суда — моносилы-однодеревки: их днище-киль состояло из одного дерева.

Каждое такое судно могло поднять не одну сотню пудов груза и 40—50 человек экипажа. С севера шли по такому же образцу построенные однодеревки-ладьи. Моносилы задолго до Рождества Христова проходили знаменитый Великий греческий путь — «Великий путь из варяг в греки»: из Черного моря входили в Днепр, поднимались до его верховьев, оттуда переходили в Западную Двину, дальше — мелкими речками переходили в Ловатъ; по Ловати приходили на озеро Ильмень, из Ильменя по реке Волхову — на озеро Ладожское, дальше в Неву, а по ней — в Финский залив, в «Варяжское море».

«Повесть временных лет» (по Лаврентьевскому списку) так обозначает этот путь святого апостола Андрея Первозванного, да кстати и приписывает святому Апостолу одно интересное наблюдение: «А Днепр втечет в Понетское море жерлом, еже море словет русское, по нему же учил святой Оньдрей, якоже реше, Оньдрею учащу в Синопии и пришехши ему в Корсунь, уведе, яко ис Корсуня близ устье Днепрское, и възхоте поити в Рим, и пройде в устье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горé... И приде в Словение, идеже ныне Новъгород великий. И виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощаются, и удивися им. И иде в Варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «дивно видех в земле Словенсьте идущу ми семо: видех бани древены, и пережгутъ я рамяно, и совлокуться, и будут нази, и облеются квасом уснияном (оболъются мытелью), и возмут на ся прутье младое, и бьют ся сами, и того ся добьют, едва слезут ле живи, и облеются водою студеною, и тако оживуть; и то творят по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творить мовенье себе, а не мученье». Слышашии же се двляхуся. Оньдрей же быв в Риме, приде в Синопию».

Моноксилы везли на север товары греков: ткани, оружие в великолепной оправе, масло, предметы роскоши, золотые украшения тонкой художественной работы, роскошные вазы с прекрасной живописью и много других изделий древнего юга. Ладьи везли с севера зерно, ценные шкуры зверей, мед, воск. В разных местах устраивали склады товаров и рынки для обмена. И моноксилы возвращались на юг с товарами севера, а ладьи плыли обратно на север, нагруженные товарами юга...

Многоводна была наша Ловать, пока не истребили лесов, покрывавших дремучими борами земли по ее берегам. По этим лесным дебрям не было ни проходу, ни проезду из-за чащи деревьев, из-за диких зверей, из-за лютых — более злых, чем звери — людей, селившихся в тех дремучих лесах. Зато раздольной гладкой дорогой служила наша Ловать. И по ней предприимчивые торговые, ремесленные и войсковые люди, и охотники за зверями, и земледельцы совершали свои большие и малые переселения и путешествия. И была наша Ловать во многие отдаленные века звеном Великого греческого пути.

Как теперь люди пользуются на железных дорогах станциями, так тогда пользовались населенными местами по берегам рек. Там, где Ловать излучается особенно капризно, делает повороты большие, или, как встарь выражались, «луки великие», возникло еще во времена доисторические поселение, приспособленное к защите от всяческих вражеских нападений, стало быть, город.

В VII веке славянами было дано название этому городу в зависимости от положения на берегах реки, особенно излучистой здесь, — Великие Луки. Ранее этот город носил того же значения название не на славянском, а на греческом языке.

В XIV в. в окрестностях этого города появился среди других лихих людей разбойник Лука Стрекач; он грабил богатых, а бедных защищал, и когда был убит, о нем надолго сохранились воспоминания. И даже некоторые люди стали приписывать причину возникновения названия города Великие Луки именно Луке Стрекачу, забывая действительную причину известного с глубокой древности названия этого города: излучистое течение реки Ловати там, где на берегах ее расположен город. Еще задолго до Рождества Христова в Великих Луках жило несколько семейств выходцев древней Эллады — и не только из городов Эвксинского Понта: Ольвии, Корсуня, Фанагории, Пантикапея, Танаиса и других, но даже из самых Афин. Жило в Великих Луках и несколько семейств скифов — «варваров», занимавшихся земледелием. В I в. по Р. Х. обосновалось в Великих Луках несколько семейств сармат, а затем — роксолан и алан.

Такое же смешанное население было тогда и в городе, впоследствии названном Новгородом, и в некоторых других городах по берегам рек Великого греческого пути. Люди из жарких стран не скоро привыкали к осенним и зимним холодам на новых местах. Чтобы и тут испытать жару, да и закалиться от холодов, они стали строить бани и там парились часто до обморока. Это удивило и святого апостола Андрея Первозванного, как говорит летописец.

И теперь при доме каждого великолучанина есть непременно баня, и привычка сильно париться сохранилась у великолучан до наших дней.

II

Во время земной жизни Господа Иисуса Христа знали великолучане о появившемся в далекой и жаркой стране Великом Учителе Благом, исцелявшем больных, воскрешавшем умерших и прощавшем раскаявшихся грешников и преступников; узнали великолучане и о том, что Преблагого Учителя казнили, как простого разбойника, распятием на кресте. Дошли до них слухи и о Его Воскресении и явлении ученикам Своим.

И потом великолучане были особенно обрадованы, когда державший путь с юга по Ловати один из учеников Преблагого Учителя — святой апостол Андрей Первозванный остановил свою ладью у пристани Великих Лук, чтобы дать отдохнуть и подкрепиться гребцам, и вступил в беседу с народом. Апостолу был оказан восторженный и торжественный прием. Собралось множество народа. Женщины приносили к нему детей; старики, и взрослые, и юноши — все приходили подивиться на прекрасного старца, от взоров которого буйные утихали, строптивые смирялись, жестокие испытывали угрызения совести и раскаяние, обездоленные и скорбевшие обретали надежду и утешение.

Святой апостол Андрей исцелил многих больных, возлагая руки свои на их головы или только простирая руки над ними. И великолучане дивились и воздавали ему почтение как великому чудотворцу.

Святой апостол Андрей стал учить их познанию Христа Бога Распятого и молитве Ему. Великолучане же через своего старосту отвечали:

— Видим тебя, старче пресветлый, и чудеса твои — и тебе поклоняемся, и тебя славим. Но как можем мы поверить в могущество Того, Кто Себя Самого не смог защитить от несправедливой казни и не смог разметать злых и глупых людей, как осенний вихрь разметывает листья с деревьев и кустарников...

— Увы, — отвечал Апостол, — не пришло еще время вам, по жестокосердию вашему, понять истину. Века еще пронесутся над местом сим, пока потомки ваши страданиями, бедствиями, лишениями и унижением перед сильным врагом будут подготовлены к принятию в сердцах своих святого учения Христова.

Великолучане взмолились:

— Не хотим, старче премудрый и добрый, бедствий на головы потомков наших — и да познаем истину сами... Открой нам учение то великое...

— Слушайте, но знайте: не готовы сердца ваши, чтобы воспринять заповеди Христа.

И тут же оправдались слова святого Апостола. Едва только выслушали великолучане проповедь о заповеди всепрощения, как старик в богатых воинских доспехах, с лицом, носившим следы суровой жизни и шрамы от ран (то был начальник войска Великих Лук Берендець), возразил:

— Действительно, не для нас пока еще эти мудрые советы... Вот и я не могу себе взять в толк... Сказал ты, почтенный и благий старче: хорошо тому, кто простит всякое зло, причиненное ему врагом, и противший получит блаженство. Еще ты сказал, что благо и тому, кто сотворит добро другому, хотя бы и врагу своему. Но я бы порешил так: готов я охотно предоставить врагу моему блаженство всепроще-

ния... А потому постараюсь причинить врагу моему, насколько я в силах, много всяческих потерь и мучений; тогда врагу моему будет что простить мне, и, простивши мне, враг мой и получит обещанное тобою, пресветлый старец, великое блаженство... И если я еще сейчас не уверен в том, наградил бы ты меня или нет за мой такой образ действий, то я уже и сейчас знаю, что сам я найду в себе удовлетворение и успокоится сердце мое от гнева, когда я поступлю так с моим врагом... Если же мой враг желает, чтобы я иначе поступал с ним, то пусть сначала перестанет быть моим врагом и сумеет стать моим другом.

Тогда святой апостол Андрей Первозванный перестал проповедовать слово Евангелия этим жестокосердным людям, но, преклонив колена и руки протянув к небу, молился; восстав же от молитвы, сказал великолучанам:

— Господу Богу Инсусу Христу, пославшему меня, угодно, чтобы место сие, где я молился Ему здесь, было со временем покрыто алтарем храма во Имя Пресвятой Троицы. Отныне же, как только я сойду с места сего, покроется оно камнем великим, и не прикоснется к месту сему рука человека, пока не заложат здесь храм.

И едва сошел святой Андрей с того места, появилось облако и, быстро твердея, превратилось в огромный камень. И лежал этот камень многие годы.

Возрастало богатство и могущество Великих Лук, расширялся и украшался город, укреплялся стенами и башнями; и разоряли враги стены города, побеждая сопротивление войск великолучан; сжигались и разрушались здания города, истреблялись жители или уводились в плен, частью разбежались или прятались в соседних лесах, а камень на месте проповеди и молитвы святого апостола Андрея Первозванного лежал нетронутым. Наконец, великолучане решили воздвигнуть храм во Имя Святой Троицы; искали для того подходящее место и увидели на огромном камне огненные слова: «На месте сем вознес молитву ко Господу святой апостол Андрей Первозванный, лета от Рождества Христова в 56-е, месяца июня, 30 дня. Зде подобает храму во Имя Пресвятой Единосушной и Животворящей Троицы быти».

И когда люди во множестве стояли возле огненной надписи, читали ее вслух и, преклонив колена, вознесли благодарственную молитву к Богу за чудесное указание, тогда человек некий спросил громко:

— Возможно ли тут храм построить, когда камень сей превеликий заграждает место?

Но в ту же минуту опустилось на камень облако, светившееся, как радуга, и в облаке том исчез камень, как утренний туман исчезает от солнца, и стало место свободно, и заложили на нем храм во Имя Святой Троицы, тот самый, что и поныне стоит, хранимый Богом.

Задолго до основания храма во Имя Святой Троицы, когда еще на том месте лежал превеликий камень святого апостола Андрея Первозванного, совершались у того камня чудеса: больные или обиженные, молившиеся святому Апостолу, получали исцеление или утешение.

В 1331 г. от Р. Х., а от сотворения мира в лето 6839-е, 30 ноября, в день святого апостола Андрея Первозванного, у камня, на месте, где святой Апостол молился в Великих Луках, собрался народ и стал пением славить святого Апостола. Пришел сюда с народом и знаменитый разбойник Лука Стрекач, переодетый простым крестьянином, чтобы его

не узнали. Он не веровал в Бога и возмутился душою, зачем народ славит святого Апостола. С помощью своих приятелей, может быть, тоже разбойников, он приставил к камню нечто вроде лестницы или бревна, влез на вершину камня и обратился к народу с речью. Он говорил:

— Знаете ли вы Луку Стрекача? Он хоть и разбойник, но страшен только богатым угнетателям, а бедному люду он друг и заступник. Идите лучше к нему и найдете себе все, чего сердце просит. А что же вы мысли ваши устремляете к давно покинувшему мир старцу, которого называют Апостолом и который для всех вас теперь совершенно бесполезен? Слава же и могущество Луки Стрекача не помрачится много лет, точно так же, как ни на одну минуту не померкнет свет этого яркого солнца. Смотрите, как даже поздней осенью оно непобедимо и ясно сияет на небе!..

Но в ту же минуту стало меркнуть солнце, и скоро наступила тьма. В ужасе народ разбежался, наталкиваясь один на другого и ощупью пробираясь к своим жилищам, потому что ожидали кончины мира за грехи свои и стремились умереть дома, в кругу своей семьи.

Убежал в смятении и разбойник Лука Стрекач. Тьма стояла от первого часу до третьего, а потом опять засияло солнце, и люди возблагодарили Бога и приписали заступничеству святого апостола Андрея Первозванного, что Господь избавил мир от гибели в этот день.

А Лука Стрекач покался и хотел пойти в монастырь, но святой схимник не принял его в обитель и повелел ему:

— Встань теперь на защиту от ворогов земли нашей и ту примешь кончину честную.

И вскоре бывший разбойник Лука Стрекач в сражении с кривичами был убит.

В 1409 г., а от сотворения мира в лето 6917-е, в день святого апостола Андрея Первозванного, 30 ноября, над камнем, на месте, где святой Апостол молился в Великих Луках, раздался необыкновенный звук, подобный огромному стройному хору; собралось тогда к тому камню множество народа, и все слушали тот страшный звук.

А некоторые люди, отличавшиеся благочестием и чистотою души, утверждали единогласно, что различали славословия святому апостолу Андрею Первозванному и из слов того гимна небесного хора поняли, что пели Ангелы Божии. Всему народу тот звук как бы огромного хора казался и страшным и непостижимо сладостным, и все молились у камня святому апостолу Андрею Первозванному. Так было два дня и две ночи.

Но не только в Великих Луках произошло это чудо: приходившие из других окрестных мест люди рассказывали, что и они в тот день святого апостола Андрея Первозванного и в следующий за ним день и в две ночи слышали пение небесного хора Ангелов.

Пришедший монах из Господина Великого Новгорода рассказывал, что и там, в церкви святого Михаила, в те же два дня и две ночи попы и чернецы слышали страшный и сладостный ангельский хор в вершине («маковице») храма и были объаты благоговейным ужасом.

III

Во II в. готы побывали в Великих Луках не как враги, а как гости или добровольные переселенцы. Всех великолучане принимали радушно и со всеми пришельцами, кроме готов, ассимилировались: завязывалось

свойство, дружба, родство; с готами великолучане не сближались, а только вели с ними торговые обороты, и жили готы отдельной слободой, обособленно. Однако они охотно помогали великолучанам бороться против враждовавших с ними соседей — литовцев и чуди.

В III в. караваны речных судов оставили в Великих Луках еще несколько готских семейств.

В IV в. некоторые из коренных великолучан приняли христианство под влиянием бесед с переселенцами — христианами из Греции. Явились и готы, крещенные епископом Ульфилой, и некоторые готы-великолучане приняли христианство. В середине IV в. почти все готы покинули Великие Луки и ушли в войска вождя своего племени Германика. В конце того же века пробовали осесть в Великих Луках и гунны, выходцы из монгольской орды, но оказались людьми строптивыми, неживчивыми, грубыми до дикости, и великолучане прогнали их.

В V в. гунны возобновили такие свои попытки, но столь же неудачно. Напрасно запугивали они великолучан:

— Если не приютите нас, придет вслед за нами сам Аттила с несметными полчищами и сметет с лица земли всех и все на вашей земле...

Великолучане отказались принять их, как поселенцев, на свои земли и не побоялись их угроз, потому что спросили совета у волхва Мизара, и он сказал: — Из-за дремучих лесов уже уклонили путь свой эти хищники от нашей страны, и за спиной самого Эцеля-Бица Божия (Аттилы) уже стоит его смерть.

В VI в. видели Великие Луки нескольких обрвов, желавших попытать счастья на севере, но в Великих Луках они не остались.

В VII в. пришли из мест, расположенных по северным склонам Карпатских гор, многие семьи словен, пришли, как братья, с дарами и земледельческими орудиями и были радушно приняты великолучанами. Часть новых пришельцев поселилась на землях великолучских, несколько семей в самом городе, другие же словене в огромном количестве направились к Ильменю и дальше, до верховьев Оки. Эти «населники» основались в Великих Луках в таком количестве семейств: словен — триста, хорват — одна, дулей — четыреста, бужан — три, полян — одна, древлян — две, дреговичей — три, северян — шесть, родимичей — девять, вятичей — пять и кривичей — одна, а всего душ их было до четырех тысяч. Между тем, всех жителей в Великих Луках ко времени появления этих насельников было не более одной тысячи душ, потому что незадолго до того прошла «Черная смерть» (эпидемия чумы. — *Ред.*), часть великолучан и окрестного населения вымерла.

Постепенно все коренные великолучане так сжились, сроднились и слились с пришельцами — словенами, что стали говорить только на их языке и усвоили их обычаи, нравы, а многие — даже и верования.

Общим врагом являлись племена финские и литовские, и новое поколение великолучан VII и VIII вв. с таким же геройством, как и великолучане прошлого, защищало от врагов свой город и свои земли.

В конце VIII в. Великие Луки опять увидели несколько десятков обрвов — мужчин и женщин; их везли, как пленников, воины с юга, чтобы продать подороже возле Ильменя. Воины уверяли, что эти обрвы только и уцелели, а все остальные погибли. И сложилась пословица: «Погибоша, аки обри». Великолучане не купили этих несчастных плен-

ников и только всячески их высмеивали и над ними издевались (жестокое тогда были нравы). Но лежавший на берегу обр, по имени Ай, в цепях, встал вытянулся во весь рост, протянул руку и пророчески сказал великолучанам:

— Есть высший Дух и высшая воля над всем живущим. И будете вы наказаны, хоть и не скоро, за то, что издеваетесь над нами, уже униженными, несвободными и страждущими... И погибнет город ваш неоднократно, и вместе — почти все потомки ваши!

Через три века начало сбываться пророчество того обра над потомками жестокосердных великолучан.

IV

С IX в. стали посещать Великие Луки в своих огромных ладьях ехавшие по Великому греческому пути из Скандинавии норманны — торговые и военные дружины варантов, или варягов. Некоторые варяги оставались на службе в войске великолучан. Они были хорошими воинами, но не оказали никакого влияния на великолучан и, напротив, вскоре перенимали и усваивали все славянские нравы и обычаи.

Великолучане вели с Новгородом частые торговые и деловые сношения и в устройстве своего быта и управления стали следовать примеру и советам Новгорода, гораздо более населенного и более богатого, благодаря более выгодному своему расположению — возле озера Ильмень. Новгород во многом помогал великолучанам, и вместе новгородцы и великолучане ходили на войну с чудью и литвой. Великие Луки стали пригородом Великого Новгорода, и волость Великих Лук вошла в состав земель новгородских.

Рюрик, основав в Новгороде княжество, вскоре затем отправился с военным караваном ладей в Великие Луки, чтобы ознакомиться с этим городом, входившим в состав его владений. Аскольд и Дир сопровождали его как ближайшие телохранители.

Великие Луки приняли Рюрика и его дружину радушно и торжественно, как надежных защитников от наседавших врагов. Рюрик устроил пир, на котором великолучане заговорили о разных сбывшихся предсказаниях своего знаменитого кудесника Мала. Аскольд и Дир, неразлучные приятели, пожелали видеть кудесника и спросить его о своей судьбе. Но Мала дома не застали — он ушел в лес за целебными травами, зато были поражены красотой двух его внучек-близнецов — тринадцатилетних Беи и Леи. Недолго думая они похитили девушек. Старый кудесник Мал пришел к Рюрику и умолял отнять девочек у Аскольда и Диры, вернуть ему, старику, — и Рюрик приказал позвать своих телохранителей. Но те узнали, что Рюрик решил отнять у них двух юных великолучанок, и с ватагой преданных им воинов сели в ладью и отправились вверх по Ловати.

— Мы найдем страну, где сами будем князьями, — решили они.

Кудесник Мал, тотчас после бегства этих варягов с его внучками, поспешил более прямыми лесными тропинками на берег Ловати подалее и поспел вовремя: приближалась ладья беглецов-варягов. Девушки увидели своего деда на берегу и протянули к нему руки. Аскольд и Дир приказали остановить ладью у самого берега и спросили кудесника, почему его волшебство не помогло ему уберечь от них внучек, и знает ли он, что ожидает их впереди.

Тогда кудесник сказал:

— Знаю: вы не вернете мне их, и они умрут на чужой стороне. Знаю, что вы, Аскольд и Дир, будете князьями... Но берегитесь: как обманом вы проникли в мой дом и лишили его всего, что было в нем наилучшего, так обманом отнимут у вас и ваше счастье, и вашу жизнь...

Один из воинов на ладье Аскольда и Дира не мог стерпеть этих дерзких слов кудесника и пустил в него из лука стрелу. Она попала старику прямо в сердце, и он упал, в последний раз лоя взглядом своих внуков. Но предсказание великолуцкого кудесника сбылось на Аскольде и Дире.

По смерти Рюрика его малолетний сын Игорь, охраняемый Олегом, ставил шатер свой в Великих Луках, когда с дружиною отправился из Новгорода по Ловати и дальше по великому пути «из варяг в греки» покорять своей власти Смоленск и Любеч и отнять Киев от Аскольда и Дира.

Олег отобрал в Великих Луках пятьдесят лучших воинов и присоединил к своей дружине.

В Великих Луках кудесник, по имени Шур, предсказал Олегу счастливые завоевания и вечную славу.

В начале X в. Игорь опять посетил Великие Луки, но не последовал примеру Олега и не взял воинов из этого города, а даже позволил остаться здесь нескольким молодым воинам из своей дружины, так как их отцы были великолучане.

V

Святая благоверная княгиня Ольга, приняв святое крещение, стремилась просветить верой Христовой народы, которые могла она посетить. Обратив в христианство жителей Псковского края, святая Ольга посетила и Господин Великий Новгород, и по Ловати прибрежные города и селения. Великие Луки святая княгиня Ольга посетила с дружиною своею и множеством сопровождавших ее почетных и именитых людей Пскова и Господина Великого Новгорода.

10, 11 и 12 июля 961 г. — три дня — шатер святой Ольги стоял в Великих Луках на том месте, где теперь Воскресенский собор, — в кремле. В ее обширно и богато украшенном шатре иерей совершал ежедневно освящение воды и богослужение, а на реке Ловати в присутствии святой княгини Ольги принимали крещение великолучане.

Далеко не все крестились, и многие еще предпочли уклониться от принятия истинной веры Христовой. Хотя сопровождала святую Ольгу дружина, испытанная в боях, однако же никого не принуждали к новой вере силою.

И святая Ольга сказала:

— Многострастный город сей еще не все принял от бед мира сего. Ждут его горшие страсти, и познает он смирение и унижение дозела. Но не даст Господь окончательно погибнуть ему: будут всегда хранимы ростки, из коих новые деревья увидят жизнь. И храмы Божии освятят и украсят места сии. И в отдаленных потомках вы узрите верных и славных служителей Бога и великой отчизны нашей...

Много и теперь в Великих Луках фруктовых садов, а тогда было гораздо больше. Святая княгиня Ольга оставила великолучанам воспоминание о совершенном по ее молитве чуде: на глазах народа на

одной яблоне плоды зарумянились и созрели, и было так много тех яблок, что хватило всему народу. И были те яблоки необыкновенно приятного, сладковатого вкуса. Поньше в Великих Луках от корней той яблони существует множество яблонь одной породы; называется такая яблоня «ранетка», или же «яблоня святой Ольги».

На месте, где ныне Воскресенский собор, там, где стоял шатер святой княгини Ольги, была немедленно по ее отбытии поставлена часовня во имя Рождества Пресвятой Богородицы, впоследствии несколько раз подвергавшаяся разграблению и разорению от нашествия на Великие Луки врагов.

Но опять часовня эта возобновлялась, пока не сгорела в 1682 г. В том же году на месте этой часовни, где прежде стоял шатер святой княгини Ольги, юношей царем Петром Первым совершена закладка Воскресенского собора с приделами во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Владимирской иконы Божией Матери.

Великолукскому Воскресенскому собору присланы были из Москвы государями и великими князьями Петром и Иоанном «на распространение и улучшение города, дважды разоренного в конец поляками», две святые иконы: «Пресвятая Владычица Владимирской Божией Матери» и «государских ангелов» Петра и Иоанна.

VI

Святослав, сын Игоря и Ольги, взял сорок воинов из Великих Лук в свою дружину. Потом по вызову князя Владимира Красного Солнышка двести воинов из Великих Лук явилось служить в Киеве.

В Великих Луках, как и в Киеве и в Новгороде, стали строиться храмы Божии и монастыри, и познали великолучане славянскую письменность, а ранее лишь немногие образованные великолучане читали и писали по-гречески и хранили свитки и рукописи лишь на греческом языке. В XI в. Ярослав Мудрый бывал в Великих Луках, отдыхал тут от путешествия по Великому греческому пути. А когда Ярослав едва спасся в Великом Новгороде от злодеев, покушавшихся на его жизнь по приказанию его брата Святополка (прозванного Окаянным), и пошел с дружиною из новгородцев и варягов на Святополка войною, он брал в городах на пути своем лучших воинов и прежде всего сделал это в Великих Луках.

Кроме того, в Великих Луках лучшие люди поднесли Ярославу, любившему произведения письменности, несколько древних рукописей-свитков. При этом сказали они Ярославу:

— От инока святой жизни нам ведомо, что славно и благодетельно будет на Руси княжение твое и во веки будут говорить, что ты насеял книжными добрыми словесами сердца верных людей.

Потом ехавшие из Киева в Скандинавию послы Ярослава привезли в Великие Луки много подарков для храмов и монастырей.

Изяслав, получивший от отца своего Ярослава Мудрого престолы княжеств Киевского и Новгородского и затем прогнанный киевлянами, прислал послов в Великие Луки и Великий Новгород, требуя войска на защиту своих прав. Но и великолучане, и новгородцы не пожелали повиноваться и дружин Изяславу не послали.

В Великих Луках, после того как созвонили вече, послы Изяслава тут же получили такой ответ:

— Полезного князя народ не прогнал бы. А ежели дать силу князю бесполезному, станет он всей земле в великую тягость.

Святослав, заняв Киевский престол, также требовал от великолучан и новгородцев прислать дружины, и ему эти города охотно повиновались и посылали дружины для увеличения его войска. Когда же Изяслав вторично сел на Киевский престол, по смерти Святослава, великолучане сами отправили ему две ладьи с воинами и дарами, причем мужи великолуцкие, явсь к Изяславу, сказали:

— Ты, княже, теперь образумился, и войско тебе понадобится для пользы земли.

Всеволод не брал от великолучан и новгородцев войска и сам посылал дары в церкви Великих Лук и Великого Новгорода.

Святополк II постоянно требовал от великолучан и новгородцев войск, но ему отвечали, что не дело проливать кровь своих же братьев-славян и поддерживать усобицу, и отказали прислать войско.

По смерти Святополка II, когда киевляне пожелали пригласить на свой престол Владимира Мономаха, они отправили послов также в Великие Луки и Великий Новгород, прося послать к Владимиру лучших людей, чтобы поддержать просьбу киевлян. Новгородцы и великолучане отправили своих лучших людей в Переяславль к Владимиру сказать ему, что и земля святой Софии просит его принять престол Киевский, ибо ведают о нем, что есть он защитник порядка и правды. И Мономах оказался князем, избранным народом. Мономах посылал затем церквам Великих Лук и Великого Новгорода подарки, а правящим — наставления.

В Великих Луках долгое время хранилась грамота Владимира Мономаха, где он предписывал каждому мужу всякого состояния: не лениться и самому трудиться, не полагаясь на слуг; быть гостеприимным и щедрым; веровать в Бога и проявлять свою веру добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею; держать клятву, любить мир; не гордиться и защищать слабых; не убивать ни правого, ни виноватого, не губить душ христианских.

VII

В X и XI вв. Великие Луки, как и Великий Новгород, находились под рукою князей Киевских, которые от себя ставили в Новгороде наместника, часто своего сына. Все эти князья получали от Великих Лук дань: шкурами пушного зверя, медом, воском или греческими и иными деньгами. Некоторые Киевские князья брали иногда и воинов из Великих Лук. По смерти Владимира Мономаха князья посеяли рознь на русской земле, затеяли усобицы, стараясь захватить власть силою. Земле святой Софии были не по душе такие порядки, и она перестала принимать князей и посадников из рук князя Киевского. Созывалось в Великом Новгороде вече и решало, на каких условиях и какого князя пригласить. Звонил вечевой колокол и в Великих Луках, созывал народ, чтобы узнать мнение великолучан, желает ли этот «пригород стать на том, на что сдумал Господин Великий Новгород». И бывало всегда так: «на что старейшие сдумают, на том же пригороды станут».

Господин Великий Новгород посылал посадника в Великие Луки, однако же Великие Луки пользовались некоторой долей самостоятельности: недаром же на Воскресенской башне кремля великолуцкого

висел вечевой колокол; по временам Великие Луки имели собственных князей, которые, впрочем, оказывались подручниками князей Новгородских.

Возникшая в южной Руси борьба за власть среди князей затуманила головы и князей северных, и уже никто из них не считал нужным стараться быть угодным народу, а всякий князь стал считать себя наследственным владыкой и всячески добивался для себя власти.

Однако на земле святой Софии все еще не стеснялись князю, не угодному народу, показать дорогу для отъезда.

В Великих Луках вошло в обычай, что несколько человек добровольцев-воинов в полном вооружении отъезжали в Киев при каждом новом Киевском князе для увеличения его войска. Так повелось после Владимира Мономаха, а именно — отъезжали великолучане-добровольцы в Киев в войска князей: Мстислава, Ярополка, Святослава, Изяслава, Всеволода (Олеговича).

VIII

В XII в. многие богатые киевляне переселились в Великие Луки (как и в другие города Руси): их гнали из Киева половецкие разорения и княжеские усобицы. По тем же причинам заглохла торговля с иноземцами юга, для которых слишком опасно стало пускать караваны по Великому греческому пути. Зато переселение киевских богатых торговцев и оживленная торговля при посредстве Великого Новгорода всё обогащали и делали более многолюдными и обширными Великие Луки.

Из Новгорода приобретались товары западных купцов и беломорских: ткани (сукна, полотна), металлические вещи, вино, соль, ворвань; а великолучане отправляли сырье: меха пушного зверя — соболей, лисиц, куниц, бобров и др., также лен, коноплю, а иногда и зерно. Окружность города дошла до двадцати верст; город простирался до озера Кислого, а по торопецкой дороге до «ростынь» — поворота дороги в село Максимово; село это было форштадтом Великих Лук.

В центральной своей части город Великие Луки был хорошо укреплен. За крепостным валом не было видно даже куполов многочисленных церквей — так был высок этот вал. Толстый слой дерна покрывал прочную крепостную стену; глубокий ров шел у крепостных стен.

Начинался крепостной вал от Троице-Сергиева монастыря, там, где речка Коломенка впадает в Ловать, и тянулся кривой линией до озера, существовавшего возле Казанского кладбища; оттуда вал охватывал другую половину города, на правом берегу, и кончался там, где теперь бульвар. Теперь едва видны холмы и рвы старинных укреплений, а от стен и совсем ничего не осталось; они были деревянные, из гигантских бревен, в то время казавшихся несокрушимыми. Но вражеские разорения, пожары и беспощадное время совсем их стерли с лица земли. Из города вели двенадцать ворот; на правом берегу реки ворота: Верховские, Словутские, Антониевские, Выдринские, Смоленские и Низовские; на левом берегу — Литовские, или Бутитинские, Оконские, Воскресенские, или Псковские, Горицкие, Перекопские (за Пятницкой церковью) и Сергиевские (за Троице-Сергиевским монастырем).

Внутри вала была еще особая цитадель — кремль; он занимал юго-западный угол крепости. Кремль был тогда из частокола и дубового тынника, из десятидюймовых бревен, крепко соединенных между собою.

Окружность кремля была 503 сажени; на углах помещались: высокие деревянные башни, каждая с двумя бойницами, шатром, или чердаком и лестницами. Всех башен кремля было двенадцать: Воскресенская, Покровская, Егорьевская, Троицкая, Никольская, Успенская, Дубовая, Благовещенская, Пятницкая, Макарьевская, Спасская и Михайловская. Самыми большими из них были две, находившиеся при въездах в кремль: Воскресенская — шестиугольная и Спасская — четырехугольная, каждая в 16 саженей ширины.

На Воскресенской башне висел вечевой колокол, созывавший вече или дававший знать о приближении неприятеля, о пожарах или иной общей опасности. В случае пожаров звонили и колокола всех церквей частыми тревожными ударами; такой обычай звонить «набат» при пожарах — в один колокол каждой церкви — и поныне существует в Великих Луках.

Не раз гибли укрепления от вражеских разорений и пожаров, и на тех же местах, по тому же образцу, как были, опять сооружались новые. Вышеприведенные названия ворот и башен не все возникли одновременно: может быть, некоторые из них даны взамен прежних при реставрациях укреплений, ворот и башен в века не столь далекие. В кремле было озерко, сохранившееся и поныне.

IX

Зимой 1166 г. князь Ростислав Мстиславич пришел с дружиною в Великие Луки и вызвал сюда из Великого Новгорода сына своего Святослава и лучших новгородских людей. В Великих Луках возникли споры: новгородцы и великолучане заявили Ростиславу и Святославу, что на князья они смотрят как на своих наемников и держат их, пока считают полезными. Князья же Ростислав и Святослав, сын его, держались гордо и отвечали, что они не наемники, а владыки, и что силою дружин своих выбьют спесь и непокорство из земских людей. Затевавшаяся драка, но Ростислав почувствовал себя больным и уехал из Великих Лук; на пути он скончался; и его тело отвезли в Киев.

В следующем, 1167 г. князь Святослав с небольшой дружиной пришел в Великие Луки и был радушно принят посадником. Но вскоре стало известно, что новгородцы князем Святославом не довольны и решили его отослать. Тогда великолучане заявили Святославу, что не желают ссориться с Господином Великим Новгородом и что им, великолучанам, он, Святослав, не нужен для княжения собственно в их городе, а потому время ему отправиться в какой-нибудь иной город. Святослав пробовал оттянуть свой отъезд из Великих Лук, но, узнав, что новгородцы идут в Великие Луки, чтобы прогнать его отсюда, ушел с дружиною своей в Торопец.

Уходя, князь Святослав обещал, что Великим Лукам не пройдет даром причиненная ему, князю, обида. И действительно, вскоре его братья князь Роман и Мстислав ночью разбойно напали с дружинами своими на не огражденную стенами территорию Великих Лук и стали грабить и убивать, всячески бесчинствовали, насильничали и наконец зажгли во многих местах город, но не решились осаждать укрепленную главную часть города, где успели найти приют и многие великолучане из неукрепленных мест. Другие же великолучане, кто не успел укрыться за крепким валом города, убежали в леса и в Псков. В Великий

Новгород боялись бежать: на реке могли ожидать их в те дни такие же разбойные нападения.

Много людей — и мужчин и женщин — увели как пленных из Великих Лук князя Роман и Мстислав, напавшие на город ночью, без объявления войны, как волки на овчарню. Своим воинам они говорили: — Пчел не передавить — меду не есть!..

И много увезли награбленного добра, поспешая уйти от мести великолучан. Но и вся русская земля тогда еще горше, чем досталось Великим Лукам, страдала от княжеских усобиц, от стремления князей «примесить» к своим владениям еще что-нибудь...

Эта легенда Великих Лук подтверждается и сохранившейся первой Новгородской летописью. Вот что рассказывает Летописец об этих событиях:

«В лето 6674, на зиму, приде Ростислав из Киева на Луки, и позва Новгородьце на поряд: очнищане, гридо, купьце вячшее; и ту се разболе сам, и воротися опять, и преставися на пути, и везоша и Киеву, и положиша и у святого Федора».

«В лето 6675 выйде князь Святослав из Новгорода на Луки, и присла им, яко: «не хоцю у вас княжити, не любо ми есть». Новгородци же целовавше святую Богородицю, рекоша к себе, яко «не хоцем его», идоша прогнать его с Лук; он же услышав, яко идуть на нь, иде Торопцю. А брат его Роман и Мьстислав пожьгоста Луки; а Луцяне устрегостяся и отступиша ини в город, а ини Пльскову».

Х

В 1191 г. князь Ярослав решил примирить новгородцев и полочан, что казалось делом нелегким. Во сне явился князю Ярославу святой апостол Андрей и посоветовал отправиться с новгородцами в Великие Луки, туда же пригласить и полочан, и положат меж собою любовь. Князь Ярослав так и поступил. И действительно, полочане и новгородцы в Великих Луках сошлись, как друзья, и условились зимою отправиться в поход на литву и чудь.

Через пять лет князь Ярослав с новгородцами опять навестил Великие Луки и жил в хоромах своего сына, князя Изяслава. Устроили в ближайшем лесу охоту на медведя. Князь Изяслав промахнулся и не сразу убил зверя; медведь наел на него и поранил. Израненного князя Изяслава принесли домой и призвали старика знахаря Власа. Князь Ярослав спросил знахаря, может ли он вылечить раненого. Старик ответил:

— С Божьей помощью, поставлю князя на ноги в одну неделю, а через месяц сможет и на коне в доспехах биться... Но знай, княже, что от этой самой раны через два года сын твой преставится.

Слово знахаря оправдалось: князь Изяслав поправился и казался здоровым и сильным, но через два года (в 1198 г.) вдруг занемог и в доме своем в Великих Луках скончался.

Весть о смерти князя, умевшего наводить страх на врагов, придала смелость литовцам, и они осадили Великие Луки. При их приближении жители окрестностей города спешили укрыться за крепкими стенами Великих Лук, сгоняли сюда и скот и свозили имущество, какое успели захватить, но кое-что все-таки досталось литовцам, и много хором они пожгли.

Ночью распространился среди них слух, что вести о смерти князя Изяслава были вымышлены и что он жив и утром сделает вылазку с войском великолуцким. Литовцы поспешно снялись, прекратили осаду и ушли от Великих Лук.

В 1200 г. воевода Великолуцкий Нездила Пъхициниц решил увеличить войско и приобрести вооружение. Но средств у города не было. В первый день Пасхи, когда многие великолучане оделись особенно богато, а многие великолучанки были в жемчужных кокошниках, воевода объявил, что негоже в бедном городе жителям одеваться богато. А кто желает одеваться богато, должен тогда, если мужчина, принести горсть серебра в городскую казну, а если женщина — горсть жемчуга. И тогда понесли в городскую казну горстями жемчуг и серебро; набралось богатства так много, что хватило не только на увеличение войска и вооружение, но и на хлебные запасы и осталось еще немало в казне.

Но вскоре нападения литвы стали так часты и яростны, что Великие Луки оказались опять разоренными и большей частью сожженными.

В 1211 г. посадник Дмитр Якуниц, по повелению князя Мстислава, пошел с новгородцами в Великие Луки, чтобы отстроить разоренные литвою хоромы. Вскоре пришел в Великие Луки и князь Мстислав с дружиною и с князем Псковским Владимиром. Убедившись, что еще много добра сумели сохранить от врагов великолучане и что город быстро становится опять могущественным, князь Мстислав оставил на княжение в Великих Луках князя Псковского Владимира, а сам с дружиною удалился. Князь Владимир болел долго ногами, а вылечился тем, что ходил босиком по траве на берегу Ловати рано утром, пока еще не обсохла роса.

И в последующие годы Великие Луки, как пограничный с Литвою город Руси, вынесли много вражеских нападений. Окрестности слободы, посадки не раз были выжжены и разорены, и только крепость составляла надежное убежище жителям. Из разных мест Руси, испытавших ужасы нашествия татар, стеклись в Великие Луки со своим добром беженцы, чтобы укрыться в этих местах, недоступных татарам из-за непроходимых лесов и болот.

1405 и следующие годы были для Великих Лук годами больших бедствий: в 1405 г. князь Литовский Витовт разорил часть города и сжег Троице-Сергиевский монастырь. В 1406 г. псковитяне еще более разорили Великие Луки в отместку за то, что Великий Новгород отказал помочь Пскову воевать с Витовтом. Посадник Псковский Георгий пришел к Великим Лукам с небольшой дружиной, и были псковичи приняты радушно, как гости. Но затем псковитяне ограбили город, взяли у великолучан их реликвию — Коложский стяг и многих жителей увели как пленных.

В 1436 г. Господин Великий Новгород возвратил себе Великие Луки и послал этому своему пригороду новый вечевой колокол взамен прежнего, расколовшегося и перелитого на церковный.

Когда впервые раздался звон нового вечевого колокола в Великих Луках, слетелось множество воронья и туче носилось под облаками, над огромной толпой веча. Блаженный Михаил тогда предсказал:

— Века не пройдет, немного более половины — замолкнут вечевые колоколушки и в Великих Луках, и в Господине Великом Новгороде. Отнимутся вольности наши, поляжет множество народу на бранях и

погибнет в полоне... А еще горшему бывать впереди... Наказание Господне за гордыню Новгородскую. Гордым Бог противится. Из подчинения же образуется царство великое, нерушимое и справедливое, по Божьему произволению.

После всех бедствий, связанных с покорением Великого Новгорода и земли его Иваном III Васильевичем, появились «псалмы» — народные песнопения с сокрушением о грехах и прославлением Бога, наказующего, но и милующего.

О, горе мне грешнику сушу,
Горе, благих дел неимушу.
Како пред суд Божий явлюся,
Како со святыми вселюся?

Таково начало одной из этих псалм. Вот как начинается другая:

Взираи с прилежанием,
Тленный человек:
Како век твой проходит —
И смерть недалече.

Великие Луки свято и бережно сохранили и до наших дней не только слова, но и напевы нескольких псалм.

XI

В старой тетради отмечено, что навещал Великие Луки, хотя единожды, каждый святитель Новгородский, который, по словам древней рукописи, «поставлен бысть на митрополию богоспасаемых градов Великого Новаграда и Великих Лук»:

Александр (1590), Варлаам (1592), Исидор (1603), Макарий I (1620), «великий господин Преосвященный Киприан, митрополит» (1627), Аффоний (1635), Никон (1649), Макарий II (1652), «повелением благоверного и благородного и христоролюбивого великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и по благословению Преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов, и всего освященного Собора, промеж патриаршества преведен бысть на высочайший престол богоспасаемых градов Великого Новаграда и Великих Лук, великий господин Преосвященный Питирим, митрополит»* (1664), Иоаким (1673), Корнилий (1674), Евфимий (1695), Иов (1699) и Аффоний (1722).

В записках деда моего также упоминается о том, что в Луках Великих побывали: святая княгиня Евфросиния Полоцкая (ее крест и поныне хранится в Великолуцком Троице-Сергиевском монастыре), князь Мстислав Удалой, князь Александр Ярославич (впоследствии — святой Александр Невский), святой князь Довмонт (на пути из Литвы в Псков), блаженный архиепископ Новгородский Василий, новгородская посадница Марфа Борецкая, боярин Строганов, король Стефан Баторий, холоп Иван Болотников, гетман Ян Петр Сапега, Марина Мнишек с отцом, гетман Жолкевский, царь Петр Алексеевич и святой угодник Божий Мартирий Великолуцкий. Но никаких легенд, связанных с этими именами, не отмечено.

* Заключенное в кавычках слово в слово совпадает с текстом Новгородской летописи. — А. М.

Есть еще запись о том, что схимник Симеон поведал миру:

— Наипаче наказан град Великие Луки за то, что в граде сем в 1698 году поднялась меж великолучан и стрелецких полков смута супротив самого государя и что отсюда пошли к Москве с умышлением: побить иноземцев, отставить государя Петра Алексеевича, на чужой стороне проживавшего, а на престол посадить царевну Софию Алексеевну, освободив ее из монастыря. И за то была кара великая: не токмо упразднен был святительский высочайший престол богоспасаемых градов Великого Новгорода и Великих Лук, но и был изъят город Великие Луки из земель Новгородских, а приписан к такой области, которую и выговорить человеку российскому вовсе даже невозможно (Ингерманландия). Когда снимется кара сия, тот святительский высочайший престол Новгорода и Великих Лук восстановится; узрят на нем митрополита, праведной жизни святителя и богомольца и пастыря; по всей земле Российской настанет Промыслом Божиим конец засилью иноземцев...

А тихая река Ловать все так же таинственно и нежно журчит струйками и переплесками, как будто вздыхает о далеком-далеком прошлом, когда была она широка и многоводна и носила на груди своей ладьи, на которых люди тогда ходили от Варяжского моря до Царьграда.

Великие Луки, 1982 г.